

Глава 3

Снова оказавшись лицом к лицу с Цзян Юем, Гу Ци почувствовал, как его сердце испуганно затрепетало в груди, готовое вот-вот оборваться.

Воспоминания о прошлой жизни — о том, как Цзян Юй вырезал на базе тысячи Эсперов, утопив всё вокруг в крови, — всё ещё стояли перед глазами. Гу Ци казалось, будто на него навалилось грозное, неодолимое божество, покрытое острой чешуёй и вооружённое смертоносными когтями. Стоило его руке лечь на исхудавшее плечо Цзян Юя, как он неосознанно сжал пальцы, прощупывая кости сквозь ткань.

Первая мысль — какой же он худой. Прежние крепкие мышцы исчезли без следа; под пальцами Гу Ци чувствовалось лишь измождённое, измученное недугом тело.

— Что с тобой? — Гу Ци машинально окинул Цзян Юя взглядом с головы до ног и только сейчас заметил его безжизненно вытянутые ноги.

"Неужели Цзян Юй сломал ноги?"

В прошлой жизни он об этом даже не догадывался. Когда они встретились вновь на базе, Цзян Юй уже возглавлял могущественную гильдию Эсперов. Он не просто уверенно стоял на ногах, но и правил преданной ему толпой последователей. Из-за этого Гу Ци всегда думал, что и до апокалипсиса у Цзян Юя всё складывалось как нельзя лучше.

Но судя по всему, реальность была куда суровее.

— Молодой господин Гу? — В этот момент к ним подскочил перепуганный телохранитель и бросился помогать обоим подняться. — Простите ради бога, я не удержал!

Хотя положение Гу Ци в собственной семье оставляло желать лучшего, род Гу всё же входил в высшую лигу города А. Такие прихвостни всегда умели пресмыкаться перед сильными мира сего, поэтому при виде Гу Ци лицо охранника мгновенно исказила заискивающая мина.

С этими словами он бесцеремонно, даже грубо вздёргнул Цзян Юя и швырнул его обратно в инвалидное кресло.

Окинув Цзян Юя беглым взглядом, Гу Ци как бы невзначай спросил:

— И куда вы его везёте? Где дядя Цзян?

Телохранитель неловко почесал затылок и, тщательно подбирая слова, ответил:

— Господин Цзян... уехал в медовый месяц с новой супругой. Дома приглядывать некому, а молодой господин недавно повредил ноги. Вот новая госпожа и велела отправить его в больницу на реабилитацию.

Цзян Юй презрительно хмыкнул.

Охранник смущённо кашлянул, не зная, куда девать глаза.

Теперь Гу Ци окончательно уловил суть происходящего.

В это время в прошлой жизни мать Цзян Юя только-только скончалась. Дядя Цзян спешно женился во второй раз, впуслав в дом новую супругу вместе с её сыном-подростком. В высшем обществе всюду шушукались, что многолетняя любовница наконец-то добилась своего, а законный наследник, Цзян Юй, отныне окажется в немилости.

Вот только тогда сам Гу Ци прочно увяз в собственном болоте: ему приходилось изо дня в день отчаянно бороться с Сяо Ци за крохи родительского внимания, так что до чужих семейных драм ему просто не было дела.

Сейчас Цзян Юя собирались увести куда-то с глаз долой. Зная повадки новоиспечённой мачехи, можно было не сомневаться: везут его точно не на курорт.

— Молодой господин Гу, мы, пожалуй, пойдём, — пробормотал телохранитель, хватаясь за ручки кресла в надежде поскорее убраться отсюда.

Гу Ци не шелохнулся, задумчиво и пристально разглядывая Цзян Юя.

Коляску развернули, но сидящий в ней юноша даже не пошевелился. Лишь на мгновение, когда его увозили, Гу Ци успел разглядеть его острые плечи и профиль.

Широкоплечий от природы, из-за крайней худобы Цзян Юй казался истощённым до предела — словно живой скелет, который мог рассыпаться от малейшего дуновения ветра. На бледном лице застыло безразличие, смешанное с глухой, беспросветной апатией.

В груди у Гу Ци что-то дрогнуло.

"Раз уж я смог вернуться из мёртвых и переписать собственную судьбу, почему я не могу спасти его? Если вмешаться прямо сейчас, возможно, Цзян Юй в будущем избежит участи стать Заражённым"

К тому же Гу Ци помнил, как в прошлой жизни Цзян Юй осадил базу, требуя выдать ему Сяо Ци. Тем самым он, пусть и косвенно, отомстил за его смерть. Пожалуй, в этой жизни стоило

отплатить ему добром.

— Пстой, — Гу Ци резко шагнул вперёд и крепко вцепился в обод колеса. — Никуда вы его не повезёте. У меня как раз есть свободное время, я сам присмотрю за Цзян Юем здесь, на вилле. С дядей Цзяном я поговорю лично, так что можешь быть свободен.

Охранник замешкался на секунду, но Гу Ци уже уверенно перехватил управление. Словно опасаясь, что парня попытаются забрать силой, он быстро покатыл коляску обратно к воротам виллы семьи Цзян.

Вилла семьи Цзян располагалась по соседству с виллой семьи Гу. Их разделяла лишь высокая каменная стена, скрывавшая дворы от посторонних глаз. Однако со второго или третьего этажа можно было без труда разглядеть большую часть соседского сада.

Когда Гу Ци вкатыл Цзян Юя во двор, из-за стены донёлся звонкий, сочащийся ядом голос Гу И:

— А я-то думал, ты гордый! Что, приполз на чужой порог? Неужто умоляешь, чтобы тебя приютили из жалости?

Очевидно, второй брат заприметил их из окна и не упустил шанса излить желчь.

Гу Ци даже бровью не повёл на эти выкрики. Навалившись на ручки кресла, он упрямо покатыл Цзян Юя в дом.

Планировка здесь в точности повторяла виллу семьи Гу — отличалась только отделка. В детстве, ещё до того как его похитили, Гу Ци учился в элитной школе и частенько заглядывал к Цзян Юю делать уроки. Он до сих пор смутно помнил расположение комнат и некоторые детали интерьера, так что не чувствовал себя чужаком.

И только оказавшись с Цзян Юем наедине в тишине гостиной, он ощутил укол неловкости.

"Я ведь пришёл к нему со своими воспоминаниями о будущем, желая защитить его. Но в этом времени мы с ним уже сто лет не разговаривали..."

Для нынешнего Цзян Юя его внезапная забота должна выглядеть по меньшей мере странно.

— Будешь что-нибудь пить? — Вопреки ожиданиям, Цзян Юй повёл себя на удивление спокойно. Развернув коляску, он посмотрел на гостя с лёгкой полуулыбкой, держась куда увереннее и непринуждённее, чем сам Гу Ци.

По правде говоря, Цзян Юй всегда был невероятно хорош собой. Раньше его красота казалась

резкой, хищной — этакий бунтарь, о чей колючий нрав легко можно было порезаться до крови. Теперь же, увядающий в инвалидном кресле, он походил на старинный клинок, медленно покрывающийся ржавчиной в ножнах. Гордый дух, запертый в слабеющем теле. От его улыбки у Гу Ци защемило сердце.

Именно в это мгновение Гу Ци дал себе нерушимую клятву: в этой жизни он костями ляжет, но защитит Цзян Юя.

— Пожалуй, колу, — ответил Гу Ци, опускаясь на диван и доставая телефон, чтобы сделать несколько заказов онлайн.

Цзян Юй покатил к холодильнику. С непривычки он справлялся с колёсами неуклюже, несколько раз застревая на ровном месте. Гу Ци слышал его возню, но заставил себя не вмешиваться.

Когда в прошлой жизни сам Гу Ци лишился возможности нормально ходить, он всем сердцем возненавидел чужую жалость. Стоило ему попытаться сделать что-то самостоятельно, как тут же набегали доброжелатели, превращая его в глазах окружающих в беспомощного калеку. Он понимал, что злиться глупо, что люди желают лишь добра, но ничего не мог с собой поделать.

Куда проще и легче дышалось, когда к тебе относились как к обычному человеку.

И он оказался прав: когда Цзян Юй протянул ему баночку колы, мрачная тень, вечно лежавшая на его лице, немного рассеялась.

— Что ты там ищешь? — поинтересовался он, заглядывая в экран телефона.

— Покупаю кое-какие вещи. Хочу обустроить твой дом, — Гу Ци поправил очки в тонкой золотой оправе и мягко улыбнулся. — Через пару дней они нам очень пригодятся.

Цзян Юй, как раз открывавший свою жестянку, на секунду замер. Затем он запрокинул голову и сделал несколько жадных глотков. Холодная, шипящая газировка обожгла горло, скользнув мимо резко очерченного кадыка. Допив, он опустил банку и глухо произнес, сверкнув колючим взглядом:

— Всё, что ты сюда привезёшь, они выбросят на помойку. Через две недели эти люди вернутся.

Гу Ци сообразил, что речь идёт о мачехе и отце Цзян Юя.

Сам-то он прекрасно знал, что они не вернутся: в прошлой жизни их увеселительная поездка прервалась началом катастрофы, из которой они так и не выбрались. Но, поразмыслив, Гу Ци осёкся. Кто знает, как всё повернётся на этот раз?

"Если уж я сам восстал из мёртвых, то и в остальном мире сценарий мог дать сбой. Если я сейчас превращу эту виллу в неприступную крепость, а хозяева вдруг нагрянут раньше времени, объясняться за самоуправство придётся долго. Действительно, глупо вышло"

Гу Ци поднялся с дивана.

— Тогда переберёмся в квартиру, которую мне оставил дедушка. Правда, она совсем небольшая, боюсь, тебе там будет тесновато.

Пальцы Цзян Юя судорожно сжали алюминиевую банку, так что костяшки побелели. Не меняя позы, он долго всматривался в темную глубину жестянки, прежде чем негромко, не поднимая головы, спросил:

— Я калека. И ты всё равно заберёшь меня с собой?

— Конечно, — Гу Ци решил, что тот просто переживает из-за лишних хлопот, и подошёл к креслу сзади, берясь за ручки. — Это совсем рядом.

— Я больше не могу ходить, — упрямо повторил Цзян Юй, когда коляска тронулась с места. — Ты понимаешь, на что подписываешься?

Только теперь до Гу Ци дошёл истинный смысл его слов.

"Цзян Юй остался совсем один, брошенный близкими на произвол судьбы. И сейчас, соглашаясь забрать его, я фактически беру на себя ответственность за его жизнь. Возможно, навсегда"

— Твои ноги поправятся, — Гу Ци придержал коляску одной рукой, а сам слегка наклонился над плечом Цзян Юя, чтобы дотянуться до дверной ручки. Навалившись весом, он распахнул тяжёлую дверь и негромко, но уверенно добавил: — Обещаю тебе. Ты обязательно поправишься, а пока этого не случилось, я буду рядом.

Почувствовав чужое тепло у своего правого плеча, Цзян Юй скосил взгляд и замер, заглядевшись на профиль Гу Ци.

Тот действительно был на редкость миловиден: ясные глаза-полумесяцы, мягкий изгиб бровей, ровный аккуратный нос. Когда он улыбался, от него так и веяло домашним уютом и добротой — вылитый заботливый старший брат из соседнего двора. Кожа у него была гладкой и светлой, словно драгоценный белый нефрит, а изящные очки на переносице придавали ему интеллигентный вид. Его тихий, вкрадчивый голос звучал нежно, но за каждым словом угадывалась несокрушимая, зрелая сила.

"А если не поправлюсь? Если я останусь калекой до конца дней? И чем ты можешь это

гарантировать?!"

Тёмная ярость и бессильная злоба на собственную немоту жгли его изнутри, отдаваясь тяжёлым стуком в висках. Но эти колющие фразы так и остались невысказанными. Стоило ему встретиться взглядом с безмятежным лицом Гу Ци, как весь запал испарился.

"Он ведь уйдёт, если я начну злиться. Просто оставит меня..."

Цзян Юй до крови прикусил язык. Изувеченное сердце словно опустили в горячую воду, и во рту явственно загорчало металлическим привкусом обиды. Как же это жалко: он даже не смел разыграть гордость и отказаться ради приличия.

Мысли металась в голове раненого зверя. Прежде он отличался невероятной гордостью, но эти покалеченные ноги подчистую вытравили из него былую спесь, превратив в уязвимого калеку.

Дверь распахнулась, впуская в душный холл порыв горячего летнего ветра. Гу Ци уже приготовился перекатить коляску через высокий порог, как вдруг заметил преградившую им путь фигуру.

На пороге стоял Гу И. Смерив калеку высокомерным взглядом, он небрежно швырнул изящный конверт прямо на безвольные колени Цзян Юя и развязно бросил:

— Эй, Цзян Юй. Через три дня у моего младшего брата, Сяо Ци, совершеннолетие. Ждём тебя на торжестве. И смотри, не забудь приготовить достойный подарок!

Напоследок надменно фыркнув, Гу И развернулся на каблуках и зашагал прочь. Он демонстративно проигнорировал присутствие собственного брата, хотя всем без слов было ясно, ради кого затевался этот фарс.

Цзян Юй не знал всех тонкостей недавней ссоры из-за праздника, но о многолетней вражде между настоящим и приёмным сыновьями семейства Гу был наслышан. Хмуро посмотрев на приглашение, он взял его в руки и уже замахнулся, чтобы скомкать плотную бумагу и швырнуть в урну, как вдруг из-за спины раздался тихий голос Гу Ци:

— Слушай... мы можем задержаться здесь ещё на три дня?

Цзян Юй обернулся. Гу Ци по-прежнему держал руки на спинке коляски, а на его лице играла мягкая, едва заметная улыбка.

— Очень уж хочется взглянуть, насколько пышным выйдет это празднество.